

ФАКТОРЫ-УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XX веке

***Аннотация.** Авторы статьи делают попытку комплексного теоретического и исторического анализа факторов-угроз национальной безопасности России в информационном пространстве. В рамках постановки проблемы обосновывается актуальность исследования вопросов национальной безопасности в рамках общей теории государства и права, разрабатываются признаки, образующие понятие фактора-угрозы национальной безопасности. Акцентируется внимание на роли пассионарных личностей в процессах дестабилизации общества. Выдвигается гипотеза о двухуровневой структуре информационного пространства как объекта информационной безопасности, включающей глубинный (идеология) и поверхностный уровни, моделируются связи между процессами, происходящими на этих уровнях. Анализируя периоды экстремальных трансформаций российской государственности (революций 1917 г. и перестройки), авторы обнаруживают связь между эффективностью регулирования политических процессов и наличием изменений в информационном пространстве. Формулируется предположение об устойчивой связи между правовым регулированием, научно-техническим прогрессом и состоянием защищенности национальных интересов. Возникновение или увеличение доступности для населения новых технических средств распространения информации неизбежно влечет отставание в регулировании соответствующих общественных отношений, что в сочетании с определенными политико-социальными факторами ставит под угрозу национальную безопасность. Дается прогноз развития ситуации в краткосрочной перспективе с учетом развития сети Интернет. В качестве вывода авторы предлагают сосредоточиться на разработке новой модели регулирования информационной безопасности, основанной на осознании утраты эффективности традиционных средств и методов правового регулирования, которыми государство располагало ранее. Утратив монополию на контроль над поверхностным уровнем информационного пространства, государство может и должно обеспечить стабильность на уровне идеологии.*

© Погодин А. В., Путинцев А. В., 2019

* Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

pgd13@yandex.ru

** Путинцев Андрей Владимирович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

chiefdom@yandex.ru

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, угрозы национальной безопасности, информационное пространство, революция, 1917 г., перестройка, 1991 г., пассионарность, информатизация, научно-технический прогресс, идеология.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.163-175

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Интерес теоретика права к национальной безопасности детерминируется не только межотраслевым характером ее правового регулирования, но и связью с эффективностью государственного управления. В науке обращается внимание на проблемы перевода слова nation, обозначающего как социальную группу, так и национальное государство¹. В обоих смыслах «национальная безопасность» имеет своим объектом государство, понимаемое либо как определенным образом организованное общество (государство в широком смысле), либо как аппарат управления этим обществом (государство в узком смысле), а потому относится к связанным с государством сложным социально-правовым явлениям, которые входят в предмет общей теории государства и права², поскольку требуют не юридически-формального, а теоретического осмысления³.

Мы склонны полагать, что «национальная безопасность» и смежные с ней явления, включая концепции «факторов-угроз национальной безопасности» и «информационной безопасности», могут рассматриваться как теоретические категории, структурирующие знание об определенном сегменте государственно-правовой реальности — в частности, о чередовании процессов стабильности и нестабильности в государственно-организованном социуме и о роли, которую играет в этих трансформациях правовой нигилизм⁴. В этом качестве упомянутые выше

категории имеют важное методологическое значение для отраслевых юридических исследований и теоретического познания таких явлений, как государственность и правовая политика.

Научная категория «факторы-угрозы национальной безопасности» находится в стадии своего формирования. В отдельных исследованиях выражение «угрозы национальной безопасности» не выходит за пределы обыденного словоупотребления, к нему относят самые разнообразные явления — от коррупции⁵ до фиктивного брака⁶. Не разрешают сомнения относительно содержания категории «факторы-угрозы национальной безопасности» и официальные источники. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет угрозы национальной безопасности как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам⁷. Детализируя, Стратегия предлагает перечисление довольно разнообразных факторов, включая коррупцию, деятельность организованных преступных групп, внутренних экстремистских группировок и даже размытие традиционных духовных ценностей, обнажая исконную политическую природу исследуемой категории.

В качестве признака, обобщающего эти неоднородные явления, с позиций государственоведения можно отметить их неподконтрольность государству, причем, в отличие от разумной и даже поощряемой неподконтрольности гражд-

¹ Бушуев В. А. Понятие национальной безопасности о отечественном и зарубежном государственно-правовом дискурсе // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 6. С. 182.

² Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2007. С. 19—20.

³ Погодин А. В. Проблемы познания объективного права // Проблемы теории права и правореализации : учебник / отв. ред. Л. Т. Бакулина. М., 2017. С. 21.

⁴ Погодин А. В. Проблемы теории и практики правового нигилизма в современной России // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 7.

⁵ Бастрыкин А. И. Коррупция как один из факторов угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Право и безопасность. 2011. № 3—4. С. 5.

⁶ Стрюковатый В. В. Фиктивный брак — как угроза национальной безопасности России // Глобализация науки: проблемы и перспективы. Иркутск, 2017. Ч. 1. С. 85.

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

данского общества, такая неподконтрольность является опасной, представляет собой несанкционированное вторжение в компетенцию государства.

Генезис национальной безопасности как концепта связан с теоретическим осмыслением эмпирического материала и, в свою очередь, должен быть пригоден для объяснения практики. Научное значение слова «фактор» подразумевает некоторое явление, имеющее влияние совместно с другими явлениями на предмет исследования. На наш взгляд, теоретико-правовая концепция «факторов-угроз национальной безопасности» наиболее успешно может быть применена к таким ситуациям, в которых конкретные факторы не просто могли бы оказать определенное влияние на развитие событий, но уже сыграли свою роль, что требует использования историко-правовых методов исследования и позволяет оценить значение фактора или группы факторов в динамике. В этом смысле периоды экстремальных трансформаций отечественной государственности, дважды имевшие место в истории в XX в., представляют собой примеры таких законченных ситуаций. Несмотря на то что национальная безопасность как концепция сформировалась относительно недавно и, следовательно, не могла напрямую влиять на государственную политику в предыдущие периоды, это обстоятельство нельзя рассматривать как возражение против ее методологической приемлемости. Использование теоретических моделей для исторической реконструкции является распространенным методологическим приемом в историко-правовой науке. Так, например, несмотря на то, что Русская Правда не знала понятия преступления, эта поздняя теоретическая конструкция с успехом применяется для анализа содержания этого источника⁸.

Немаловажным является замечание о том, что различные факторы, взятые в совокупности, образуют систему, и синергичный эффект достигается лишь в случае одновременного их действия. Таким образом, изучение отдельного фактора или группы факторов позволяет лучше объяснить механизм влияния определенных социальных феноменов на развитие процесса.

В рамках данной статьи эта задача решается применительно к факторам-угрозам информа-

ционной безопасности в периоды экстремальных трансформаций российской государственности и в настоящее время.

Как показывает опыт переломных моментов отечественной истории, основными действующими лицами становится 5—10 % населения государства, обладающие сходными психическими особенностями. В контексте позиций Л. Н. Гумилева личности такого типа могут быть названы пассионариями. Они отличаются наибольшей восприимчивостью к протекающим в обществе процессам. Они открыты информационным влияниям, в ситуации высокого социального напряжения легко развивают значительную активность и сами продуцируют информацию, используя сложившуюся информационную инфраструктуру и вызывая возникновение общественной истерии. Именно из этой группы населения выдвигаются революционные лидеры.

Думается, что существование такого рода участников общественных отношений является естественным, однако предсказать поведенческую реакцию пассионария в условиях активной пропаганды и идеологических кризисов затруднительно. Являясь «скрытыми» угрозами национальной безопасности, пассионарии ставят законодателя перед проблемой урегулирования их поведения правовыми средствами. В этом свете обеспечение целостности и устойчивости информационного пространства, создание позитивной социально-психологической ауры социума⁹ могут рассматриваться как методы управления такого рода людьми.

Выбор анализируемого вида безопасности детерминирован тем, что информационное пространство:

- может быть интерпретировано как совокупность общественных отношений по производству, обработке, хранению и обмену информацией, представляя в этом качестве объект государственно-правового регулирования;
- имея определенные социальные характеристики, может рассматриваться как средство политического и правового управления обществом;
- является элементом механизма формирования обратной управленческой связи и в этом смысле делает государство уязвимым

⁸ См., например: Домникова В. В. Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2013. № 3. С. 88—97.

⁹ Погодин А. В. Проблемы теории и практики правового нигилизма в современной России // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 11.

для своеобразного перепрограммирования и делегитимации.

С позиции юридического государственного и правоведения информационное пространство представляет собой малоизученный феномен и может считаться скорее объяснительной метафорой, сводящейся к конструированию некой системы элементов, связанной с циркуляцией информации, функционирующей по своим собственным закономерностям, в рамках которой развиваются процессы, имеющие значение для социального управления. Представляется, что, говоря о структуре информационного пространства, целесообразно выделить в нем как минимум два уровня. На первом, поверхностном уровне протекают процессы, открытые к непосредственному социолого-правовому и политологическому наблюдению. Информация, циркулирующая на данном уровне, имеет конкретную цель, конкретный предмет и пределы актуальности. Общественные отношения на данном уровне формируются по поводу использования средств массовой информации, доступных с учетом текущего уровня технического развития.

Более глубокий уровень тесно связан с идеологией и культурой. Вопрос о соотношении информационной и духовной безопасности является относительно дискуссионным¹⁰. На наш взгляд, идеология представляет собой информацию, которая содержит единые для данного общества культурные коды, задает правила толкования и интерпретации информации, предопределяет основные параметры государства и, что важнее, сама открыта для внешнего информационного воздействия.

II. 1917 ГОД

Учитывая изложенные выше методологические соображения, обратимся к историческому опыту ситуации, предшествовавшей революциям 1917 г. В общем виде, не вдаваясь в подробную периодизацию, информационное пространство

Российской империи можно охарактеризовать следующими чертами:

- одновременное сочетание официально провозглашенных и до какого-то момента имевших место в реальности идеологической консервативности и религиозности с формированием альтернативных, конкурирующих идеологий;
- относительная замкнутость на традиционных ценностях и настороженное отношение к внешним влияниям;
- монополия государства на производство, распространение информации и контроль за ней.

Углубляясь в характеристики выделенных нами выше уровней, можно отметить, что официальная идеология имперского периода, в кратком виде сформулированная в 1834 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым как «православие, самодержавие, народность», характеризует преобладающую роль религии, официальной политической деятельности и национальной идентичности в общем информационном пространстве¹¹. Поставленная в екатерининский период проблема «противостояния вольтерьянству» сводилась преимущественно к контролю за публикационной активностью образованных носителей западной идеологии и за переводами французской литературы на русский язык¹² и успешно решалась цензурными органами.

На поверхностном уровне можно отметить следующие детали. Так, официальная, единообразно доносимая информация могла быть получена основной массой населения только через государственные либо церковные институты. Показательными в этом плане являются факты распространения слухов о том, что в 1861 г. власти на местах скрыли настоящий текст манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», якобы подразумевавший освобождение крепостных крестьян вместе с земельными участками¹³. Возникновение этих слухов было вызвано неле-

¹⁰ См., например: *Тонконогов А. В.* Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России // *Власть*. 2010. № 6. С. 53.

¹¹ *Султыгова Л. З.* Самодержавие, православие и народность в российской государственно-правовой доктрине // *Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 1. С. 184.

¹² *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры // *Литературное наследство*. 1939. Т. 33. С. 769—770.

¹³ *Шпаковская С. В.* Исторический опыт информационного обеспечения реформ в России // *Наука. Общество. Государство*. 2014. № 2. С. 172.

гитимным с позиции актуальной на тот момент идеологической догмы «православие — самодержавие — народность» решением острого политического вопроса. Указанные слухи свидетельствуют об отсутствии адекватных механизмов альтернативного распространения информации в крестьянской среде, что вызвало необходимость в подавлении выступлений силой. Успешность реализации подобного сценария, не приведшего к трансформации протестов в полноценную крестьянскую войну, свидетельствует о способности информационного пространства к самосохранению в исходном состоянии.

Для грамотных слоев населения дополнительными источниками являлись также газеты, журналы и книги. Цензура информационного пространства воспринималась общественностью как нечто само собой разумеющееся. В историко-правовых исследованиях отмечается, что в первой половине XIX в. цензура воспринималась как метод обеспечения безопасности¹⁴.

Также отметим немаловажный факт концентрации источников продуцирования новой информации в столице — именно там расположились крупнейшие типографии, университеты, органы управления печатью.

Таким образом, выраженных внешних и внутренних угроз информационному пространству в середине XIX в. не наблюдалось. Идеологическое пространство было монолитным и консервативным на идеологическом уровне, сконцентрированным в одной географической точке, подконтрольным государству и его институтам на поверхностном уровне, обладало механизмами самосохранения.

Во второй половине XIX столетия происходят качественные и количественные изменения в информационном пространстве Российской империи. Растут тиражи периодической печати, становятся доступными для массового частного использования типографские станки, что вписывается в логику становления буржуазного европейского государства. В 1905 г. провозглашается свобода печати¹⁵. Основная информационная продукция по-прежнему формируется в столице, однако растет количество региональных печатных центров, относительно автономных от общеимперского. Механизмы цензуры и управ-

ления религией не претерпевают существенных изменений.

Сами по себе эти факторы не могут оцениваться положительно или отрицательно и напрямую не угрожают национальной безопасности. Этот тезис подтверждается тем, что нестабильный политический курс, заключавшийся в относительно произвольных колебаниях между реформами и контрреформами, в том числе в таких чувствительных сферах, как образование, военная служба, положение крестьянства и систематические провалы в обеспечении личной безопасности должностных лиц, реальных негативных последствий для формы правления, территориальной целостности, безопасности широких масс населения не имели. Любые угрозы предотвращались функционирующими в нормальном режиме правоохранительными органами, не в последнюю очередь благодаря стабильности господствующей идеологии и отсутствию выраженной внешнеполитической конфронтации.

Однако рассмотренные выше процессы социального и научно-технического развития привели к созданию инструментов, не урегулированных объективным правом. Функционирование социальных практик, связанных с использованием таких инструментов, основывалось на стихийно складывающихся intersubъективных нормах. Их согласование с другими социальными практиками осуществлялось скорее на основании культурных конвенций относительно допустимости того или иного поведения, нежели на основании государственно-правового упорядочения общественных отношений.

В то же время недетерминированный режим использования новых информационных технологий создавал условия для произвольных вмешательств в ранее целостное информационное пространство, монополично управляемое государством, которым последнее могло противопоставить лишь качественно устаревшие технологии контроля и надзора за печатью.

В начале XX в. внешние условия изменились, выросла внешнеполитическая напряженность как на западном, так и на восточном направлениях, что одновременно с неоднозначными внутривнутриполитическими решениями острого вопроса поставило под удар актуальность легитимации культурно-идеологической

¹⁴ Бурлакова Р. И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII — начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

¹⁵ Бурлакова Р. И. Указ. соч.

конвенции «православие — самодержавие — народность». Правоохранительные органы оказались не в состоянии поддержать государственную монополию на распространение информации. Социальные практики использования информационных ресурсов в ущерб национальной безопасности раньше были невозможны в силу культурных запретов и относительно легко вытеснялись правоохранительными органами. Тем не менее в диверсификации информационного пространства содержались потенциальные возможности конкуренции частных структур с государством, поэтому наряду с социальными дискурсивными практиками использования информационного пространства, которые можно охарактеризовать как добровольно-лоялистские, появляются и оппозиционные, отличающиеся от схожих практик конца XIX в. своей устойчивостью и способностью к воспроизводству.

Резюмируя, можно сказать, что факты принципиального признания многопартийности в российском обществе, возникновения устойчивых экстремистских групп, установления напряженных и неоднозначных отношений с европейскими и азиатскими странами привели к возникновению множества неподконтрольных государству социальных акторов, деятельность которых в конечном итоге и поставила под угрозу национальные интересы Российской империи.

В работах по отечественной истории отмечается роль газет, агитационных плакатов и листовок в мобилизации сил общественного мнения в поддержку военных действий¹⁶. Вместе с тем отмечаются факты обратной, антивоенной пропаганды¹⁷. Требующие значительных ресурсов усилия цензуры в условиях конкуренции печати не могли устойчиво вытеснить отклоняющееся поведение участников информационных правоотношений, не скованное более общепризнанными идеологическими конвенциями.

Создание альтернативных каналов распространения информации привело к тому, что государство утратило свою монополию в идейной сфере. В когнитивном праве участников ситуаций, связанных с обеспечением национальной безопасности, официальный дискурс мышления вступал в коллизию с оппозиционным и уступал последнему довольно часто, в чем следует видеть одну из причин Гражданской войны.

В этом свете выглядит логичным, что в ст. 14 Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила уничтожение зависимости печати от капитала. Согласно этой статье «советская власть предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране»¹⁸. Де-факто коллективное право рабочего класса и крестьянской бедноты на свободу информации предполагало свою реализацию путем национализации средств информационного производства.

На более глубоком идеологическом уровне единство нового информационного пространства должно было гарантироваться новой объединяющей идеей, альтернативной предшествующей религиозной доминанте. Эта идея основывалась на марксизме и пронизывала все культурные слои. Так, например, в правовом информационном пространстве новое мышление должно было базироваться на провозглашенных идеях социалистической совести и революционного правосознания¹⁹.

III. ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Вторая крупнейшая социально-политическая экстремальная социальная трансформация XX в., получившая название «перестройка»,

¹⁶ Семенова Е. Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 85.

¹⁷ Шайпак Л. А. Печатная пропаганда и агитация кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в армейских структурах в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 2. С. 64.

¹⁸ Конституция (основной закон) РСФСР, принятая Пятым Всероссийским съездом Советов 10 июля // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 553.

¹⁹ Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 : в 2 ч. Ч. II. С. 90.

как это ни парадоксально, имеет общие черты с революцией 1917 г.

Информационное пространство предперестроечного периода характеризовалось следующими особенностями:

- одновременным сочетанием официально декларируемого идеологического монизма в русле марксизма-ленинизма и неафишируемого существования альтернативных, конкурирующих идеологий, связанных с западным либерализмом, национализмом и религией;
- относительной замкнутостью на коммунистических ценностях, противостоянием с Западом;
- монополией государства на производство, распространение информации и контроль за ней.

Нетрудно увидеть, что перечисленные характеристики созвучны характеристикам информационного пространства имперского периода в стадии стабильного развития. Система образования, предполагавшая обязательное освоение коммунистической идеологии, контроль государства над такими технологически емкими средствами массовой информации, как телевидение и радио, закрытость информационного пространства — юридическая и технологическая — от внешнего влияния, развитый аппарат органов цензуры коррелируют с положением дел в середине XIX в.

В то же самое время в ситуации «перестройки» есть и некоторые отличия, прежде всего в механизмах дестабилизации предшествующего ей относительно спокойного периода. Если качественные изменения информационного пространства в имперский период носили достаточно объективный характер, формируясь в условиях поэтапного технологического и социального прогресса на протяжении около полувека, то характер перестроечной трансформации информационного пространства имел политико-правовые причины, протекал в относительно сжатое время и не сопровождался значительными научно-техническими инновациями.

Нормативное закрепление на уровне объективного права вместило значительные изме-

нения законодательства, касающиеся информационного пространства на основе концепций гласности, демократизма и свободы печати.

Были созданы предпосылки для формирования частных печатных средств массовой информации, теле- и радиокompаний, сняты традиционные административные барьеры²⁰. Описанные выше процессы привели к децентрализации информационного пространства, поскольку были размыты глубинные основания идеологического единства.

Интерпретируемые на уровне прав человека и коллективного права на доступ к информации, гласность и деидеологизация по своей природе представляли утрату государством контроля над глубинными уровнями информационного пространства, что детерминировало возникновение новых социальных практик в области информации, концептуально ранее не предусмотренных. Введение гласности, сначала на уровне политических деклараций, а позднее и законодательства, рост числа негосударственных участников информационного пространства²¹ де-факто воспроизвели предреволюционную ситуацию на уровне идеологии. Отмечается, что благодаря завоеванной гласности средства массовой информации ускорили распад сложившегося в СССР государственного социально-правового режима²².

Подводя итог перестроечным реформам в информационном пространстве, приходится отметить, что законодатель не учитывал потенциальные угрозы национальной безопасности при принятии политических решений. Уйдя из поверхностного уровня информационного пространства в качестве непосредственного регулятора и одновременно проблематизировав идеологические конвенции, государство полностью утратило рычаги контроля за информационным пространством, которое атомизировалось и стало ареной реализации частных, национальных и зарубежных интересов.

В условиях перманентного противостояния с Западом, наличия внутренних экстремистских групп, сформировавшихся на основе все тех же классовых и национальных признаков, рассмотренные выше факторы были успешно исполь-

²⁰ Савинцева М. И. СМИ эпохи гласности и перестройки // Труды по интеллектуальной собственности. 2009. Т. 9. № 1. С. 268—271.

²¹ Нестеров А. А. Становление радиовещания в постсоветской России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 51. С. 75.

²² Бабюк М. И. Отечественная журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций // История отечественных СМИ. 2012. № 1. С. 10.

зованы в деятельности по дестабилизации советского общества и государства.

IV. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

Можно отметить, что после 1990-х гг., продолживших тенденции перестройки на атомизацию информационного пространства, что вписывалось в общие политические центробежные процессы, в начале XXI в. наступил период стабилизации. Так, государство фактически вернуло себе контроль за основными традиционными средствами массовой информации, сформулировало перечень основных угроз информационной безопасности в информационной сфере, декларировало поиск национальной идеи в качестве важнейшей задачи.

По аналогии с предшествующими периодами можно отметить, что современное информационное пространство характеризуется следующими чертами:

- подразумеваемым наличием общей идеологии при отсутствии четких контуров ее оформления;
- состоянием относительной неопределенности между открытостью западному идеологическому влиянию и отстаиванием собственных культурных ценностей;
- отсутствием монополии государства на контроль за распространением информации.

Заметно, что параметры современного информационного пространства отличны от стартовых точек рассмотренных выше ситуаций экстремальных трансформаций российской государственности. Современный период не давал бы поводов для беспокойства, если бы не очередная научно-техническая революция, позволяющая отдельным теоретикам выдвигать предположения о наступлении эры цифрового государства (digital state)²³.

Достаточно кратко перечислить возможности, предоставляемые сетью Интернет, чтобы понять, что специфика отношений, возникающих по поводу их использования, существенным образом корректирует всю систему социального управления. Эти возможности не учитывались при формулировании конституционных основ законодательства в сфере ре-

гулирования информационного пространства. К ним можно отнести:

- возможность формирования автономных групп в социальных сетях, представляющую собой способ реализации права на объединение вне физического пространства;
- доступную для неограниченного круга лиц возможность создания и трансляции контента на неограниченную аудиторию, выводящую на новый уровень свободу слова;
- возможность создания каналов связи, принципиально неподконтрольных государству, существенно модифицирующую тайну переписки;
- возможность установления альтернативных государственным средств платежа, что выводит на новый уровень свободу экономической деятельности;
- возможность анонимизации, что существенно трансформирует концепцию субъекта права и юридической ответственности;
- постоянное обновление технологий, усиливающее эффект запаздывания правового регулирования отношений относительно стихийно возникающих практик их использования.

Необходимо также иметь в виду трансграничность Интернета как предмета регулирования, что делает применение к нему термина «юрисдикция» в значительной степени фиктивным²⁴ и позволяет зарубежным структурам свободно действовать в отечественном информационном пространстве.

Таким образом, правовое регулирование отношений в таких традиционных сферах, как экономика или противодействие преступности, становится одновременно и регулированием информационных отношений. Свобода слова, распространения информации и другие негативно формулируемые права, которые общество «отвоевывало» у государства и не могло реализовать без государственных гарантий или отсутствия противодействия со стороны государства, оказались технически доступны широким массам населения.

Если в 1917 г. субъекту права необходимо было обладать существенными ресурсами, чтобы навязать реальную конкуренцию государству либо принять на себя риск неотвратимости

²³ Ромашов Р. А. Цифровое государство (digital state) — новый тип государства или форма глобального мирового порядка? // История государства и права. 2017. № 4. С. 3—11.

²⁴ Ромашов Р. А. Интернет как базисное основание цифрового государства (digital state) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12. С. 174—178.

наступления ответственности (как это было, например, с антивоенными агитаторами), то в современный период уже государству требуются значительные ресурсы, чтобы осуществлять контроль за деятельностью рядовых пользователей сети Интернет. Проблематизируется контроль за информационными потоками. Если революционные события 1917 г. начинались в столице, а в период распада СССР информационное пространство формировалось в крупных городах, то информационные ресурсы XXI в. позволяют объединять достаточно большие массы людей независимо от места их проживания для решения конкретных политических задач, что показывают события «арабской весны»²⁵.

В то же время государство, активизируя свое внимание к идеологическому уровню информационного пространства, закономерно пытается компенсировать свои ограниченные возможности на поверхностном уровне информационного пространства, где государственная монополия на управление уже не выглядит естественной. Инструментом такой компенсации становится внеправовое, политико-культурное воздействие на общественные отношения с целью формирования благоприятного идеологического фона.

В заключение необходимо сформулировать следующие выводы:

Концепт национальной безопасности определенным образом структурирует знания о государственно-правовой реальности. Потребность в теоретическом моделировании в соответствии с требованиями объективности предполагает, что для того, чтобы определенное явление или класс явлений могли считаться фактором, необходимо выявление устойчивых связей между их наличием и последствиями, что и делает востребованным исторический метод исследования.

В информационном пространстве можно выделить два уровня: поверхностный, или инструментальный, и глубинный, или идеологический. Если поверхностный уровень предоставляет инструменты формирования отношения к конкретным вопросам, волнующим социум, и связан с общественными отношениями по поводу их использования, то идеологический пласт ответственен за поддержание общего смыслового пространства и в какой-то мере программирует правила поведения на поверх-

ностном уровне, обеспечивая его устойчивость, задавая intersubъективные нормы поведения, адресуемые в том числе и государственным органам.

Взаимосвязь этих уровней друг с другом и с государством довольно противоречива. С одной стороны, идеологический уровень задает общую направленность общественных отношений поверхностного уровня, поэтому изменения на идеологическом уровне с неизбежностью меняют поверхностный уровень, тогда как стабильность идеологии позволяет относительно безболезненно устранить риски отклоняющегося поведения на поверхностном уровне. С другой стороны, изменения на поверхностном уровне рано или поздно вызывают изменения на уровне идеологии. Эта выявленная нами закономерность может быть использована как государством, так и иными социальными акторами.

Оба упомянутых выше уровня информационного пространства связаны с государством. Поверхностный уровень, согласно нормативистским представлениям, полностью урегулирован государством. Идеологический уровень, с одной стороны, санкционируется государством, а с другой — сам легитимирует последнее. Соответствие ожиданий государства и общества относительно общей идеологии формирует нормальное состояние информационного пространства, в то время как расхождения, вызванные деформациями, разрушают общее информационное пространство и в конечном итоге государство, понимаемое как в широком, так и в узком смысле. В случае, если государство утрачивает контроль над поверхностным уровнем информационного пространства, оно лишается возможности коррекции идеологии и, в свою очередь, предоставляет доступ к ее изменению иным социальным акторам с их собственными интересами. В случае если идеологические конвенции, принятые в обществе, поколеблены, государство не может вернуть себе эффективный контроль над поверхностным уровнем. В конечном итоге одновременная утрата государством рычагов эффективного управления поверхностным и идеологическим уровнями информационного пространства приводит к революционным преобразованиям. Таким образом, целостность информационного пространства является фактором, снижающим

²⁵ Антюхова Е. А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 205.

угрозу национальной безопасности. Разумеется, национальную безопасность нельзя сводить к информационной, однако последняя представляет собой необходимое, хотя и не достаточное условие обеспечения первой.

Проведенное исследование позволяет установить, что развитие отношений поверхностного уровня информационного пространства проходит по закону соотношения управляемой и управляющей подсистем. Изменение содержания управляемой подсистемы детерминруется разнообразными факторами, среди которых можно выделить объективные (естественные процессы развития общества и научно-технический прогресс) и субъективные (волевые решения органов государственной власти, затрагивающие информационные общественные отношения). Такие изменения в целом являются нормальными, напрямую не влияют на важнейшие национальные интересы и представляют собой процесс, требующий адекватной управленческой реакции. В этом смысле подобные новые виды социальных практик являются не угрозой, а фактором, который необходимо учитывать в оформлении правового режима обеспечения национальной безопасности России.

Однако неизбежные пробелы и неэффективное прогнозирование результатов государственно-правового регулирования приводят к тому, что материально-правовые отношения, признаваемые социально-полезными или социально-нейтральными, не сопровождаются имманентно связанными с ними контрольными и процессуальными отношениями. Это имело место относительно признания свободы печати и гласности соответственно в начале XX в. и на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Подобный сбой на уровне правового моделирования отношений в информационном пространстве приводит к негативным последствиям в тот момент, когда возникают соперничающие с государством акторы в лице агрессивно настроенных зарубежных государств, международных террористических организаций, экстремистских и сепаратистских группировок, чья деятельность активизирует взаимосвязи в системе факторов-угроз национальной безопасности, что в итоге приводит к активизации пассионариев и реальному ущербу национальным интересам.

Анализ динамики социальных и научно-технических процессов позволяет определить их скачкообразный характер, причем интервал между переходами количественных изменений

в качественные все более сокращается. В настоящий период времени государство существует в условиях навязанной конкуренции в информационном пространстве. Отсутствие возможности защитить свою монополию в информационной сфере должно влечь изменение политики, в том числе и правовой, в области оформления отношений поверхностного уровня, а также закономерный рост внимания к идеологическому уровню информационного пространства, благоприятная конфигурация которого позволяет компенсировать недостаток привычных репрессивных ресурсов интересубъективным признанием национальных интересов и саморегулированием субъектами своего поведения в русле, отвечающем публичным интересам. Но и на этом уровне государство играет роль лишь одного из акторов, в связи с чем необходима проработанная концепция использования и регулирования средств, принципиально или полностью неподконтрольных государству. В конечном итоге современность ставит перед государством дилемму: либо перестройка всей модели информационной безопасности с учетом требований постнеклассической рациональности, либо длительный конфликт с применением классических средств с предсказуемыми негативными последствиями.

Особо следует выделить тенденцию к разрыву связи информационного пространства с географией. Это имеет немаловажное значение, поскольку пределы государственного регулирования определяются обычно в соответствии с такими параметрами, как «территория», «время» и «круг лиц». Ни круг лиц, ни территория в настоящее время напрямую не коррелируют с виртуальным информационным пространством, порождая проблему исполнимости правовых норм, регулирующих отношения по обеспечению национальной безопасности. Существовавшие ранее технологии производства информации требовали нахождения инфраструктуры в одной точке физического пространства. Таким образом, процессы, угрожавшие государственной стабильности, всегда брали свое начало в столицах. Верным было и противоположное утверждение: контроль над столицей гарантировал контроль над инфраструктурой информационного пространства. В настоящее время наблюдается тенденция к рассредоточению информационных мощностей, поэтому феномен регионального, а также столичного информационного пространства с социолого-правовой точки зрения требует дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. — 1939. — Т. 33. — С. 769—858.
2. *Антюхова Е. А.* «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 2. — С. 201—209.
3. *Бабюк М. И.* Отечественная журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций // История отечественных СМИ. — 2012. — № 1. — С. 5—10.
4. *Бастрыкин А. И.* Коррупция как один из факторов угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Право и безопасность. — 2011. — № 3—4. — С. 5—8.
5. *Бурлакова Р. И.* Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII — начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 26 с.
6. *Бушуев В. А.* Понятие национальной безопасности о отечественном и зарубежном государственно-правовом дискурсе // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2013. — № 6. — С. 179—185.
7. *Домникова В. В.* Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2013. — № 3. — С. 88—97.
8. *Максимова О. Д.* Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 9 : в 2 ч. — Ч. II. — С. 88—94.
9. *Нестеров А. А.* Становление радиовещания в постсоветской России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 51. — С. 74—77.
10. *Погодин А. В.* Проблемы познания объективного права // Проблемы теории права и правореализации : учебник / отв. ред. Л. Т. Бакулина. — М. : Статут, 2017. — 384 с.
11. *Погодин А. В.* Проблемы теории и практики правового нигилизма в современной России // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 5. — С. 6—11.
12. *Пьянов Н. А.* Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. — 253 с.
13. *Ромашов Р. А.* Интернет как базисное основание цифрового государства (digital state) // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 12. — С. 174—178.
14. *Ромашов Р. А.* Цифровое государство (digital state) — новый тип государства или форма глобального мирового порядка? // История государства и права. — 2017. — № 4. — С. 3—11.
15. *Савинцева М. И.* СМИ эпохи гласности и перестройки // Труды по интеллектуальной собственности. — 2009. — Т. 9. — № 1. — С. 267—276.
16. *Семенова Е. Ю.* Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2008. — Т. 10. — № 1. — С. 71—85.
17. *Стрюковатый В. В.* Фиктивный брак как угроза национальной безопасности России // Глобализация науки: проблемы и перспективы : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 13 мая 2017 г.) : в 2 ч. — Иркутск, 2017. — Ч. 1. — С. 80—85.
18. *Султыгова Л. З.* Самодержавие, православие и народность в российской государственно-правовой доктрине // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 184—204.
19. *Тонконогов А. В.* Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России // Власть. — 2010. — № 6. — С. 53—56.
20. *Шайпак Л. А.* Печатная пропаганда и агитация кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в армейских структурах в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Поволжский педагогический поиск. — 2012. — № 2. — С. 64—72.
21. *Шпаковская С. В.* Исторический опыт информационного обеспечения реформ в России // Наука. Общество. Государство. — 2014. — № 2. — С. 170—176.

Материал поступил в редакцию 5 марта 2018 г.

**FACTORS-THREATS TO INFORMATION SECURITY IN THE EXTREME TRANSFORMATIONS
OF THE RUSSIAN STATE IN THE 20TH CENTURY**

POGODIN Aleksander Vitalievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Kazan (Volga) Federal University
420008, Russia, Kazan, ul. Kremlevskaya, d. 18
pgd13@yandex.ru

PUTINTSEV Andrey Vladimirovich, Post-graduate of the Department of Theory and History of the State and Law of the Kazan (Volga) Federal University
420008, Russia, Kazan, ul. Kremlevskaya, d. 18
chiefdom@yandex.ru

Abstract. *The authors of the paper make an attempt of a complex theoretical and historical analysis of factors-threats to the national security of Russia in the information space. Within the framework of the problem statement, the urgency of the study of national security issues within the framework of the general theory of state and law is substantiated, the features forming the concept of a factor-threat to national security are developed. The attention is focused on the role of passionate personalities in the processes of destabilization of society. It is hypothesized that a two-tier structure of the information space as an object of information security, including deep (ideology) and surface levels, the modeled relationships between processes occurring at these levels. Analyzing the periods of extreme transformations of the Russian statehood (revolutions of 1917 and perestroika), the authors find the connection between the efficiency of political processes regulation and the presence of changes in the information space. It is suggested that there is a stable connection between legal regulation, scientific and technological progress and the state of protection of national interests. The emergence or increase in the availability of new technical means of disseminating information to the population inevitably leads to a lag in the regulation of relevant public relations, which, combined with certain political and social factors, jeopardizes national security. The forecast of development of a situation in the short-term prospect is given taking into account the development of the Internet. As a conclusion, the authors propose to focus on the development of a new model of information security regulation, based on the awareness of the loss of the effectiveness of traditional means and methods of legal regulation, which the state had previously. Having lost the monopoly on control over the surface level of information space, the state can and should ensure stability at the level of ideology.*

Keywords: *national security, information security, threats to national security, information space, revolution, 1917, perestroika, 1991, passionarity, informatization, scientific and technological progress, ideology.*

REFERENCES

1. Eisenstock I. *Frantsuzskie pisateli v otsenkakh tsarskoy tsenzury* [French writers in the evaluation of tsarist censorship]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. 1939. Vol. 33. Pp. 769—858.
2. Antukhova E.A. «Arabskaya vesna»: *novye mekhanizmy smeny avtoritarnykh politicheskikh rezhimov* [“Arab spring”: new mechanisms of change of authoritarian political regimes]. *Vestnik MGIMO-universiteta* [Vestnik MGIMO University]. 2015. No. 2. Pp. 201—209.
3. Babyuk M.I. *Otechestvennaya zhurnalistika v period perestroyki: transformatsiya politicheskikh i sotsiokulturnykh funktsiy* [Local journalism in the period of perestroika: transformation of political and socio-cultural functions]. *Istoriya otechestvennykh SMI* [History of domestic media]. 2012. No. 1. Pp. 5—10.
4. Bastrykin A.I. *Korruptsiya kak odin iz faktorov ugrozy natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Corruption as one of the factors of threat to national security of the Russian Federation]. *Pravo i bezopasnost* [Law and security]. 2011. No. 3—4. Pp. 5—8.
5. Burlakova R.I. *Pravovoe regulirovanie tsenzury pechati v Rossii v XVIII — nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of press censorship in Russia in 18th-early 20th century: Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2004. 26 p.
6. Bushuev V.A. *Ponyatie natsionalnoy bezopasnosti v otechestvennom i zarubezhnom gosudarstvenno-pravovom diskurse* [The concept of national security in the domestic and foreign state-legal discourse]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya SFedU. Engineering Sciences]. 2013. No. 6. Pp. 179—185.

7. Domnikova V.V. *Razgranichenie prestupleniy i grazhdanskikh pravonarusheniy po Russkoy Pravde* [The distinction between crimes and civil offences under the Russian Justice]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 11: Law]. 2013. No. 3. Pp. 88—97.
8. Maksimova O.D. *Revolyutsionnoe pravosoznanie kak istochnik sovetskogo prava i zakonotvorchestva* [Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law and lawmaking]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. 2014. No. 9 : in 2 parts. Part II. Pp. 8—94.
9. Nesterov A.A. *Stanovlenie radioveshchaniya v postsovetskoj Rossii* [Formation of radio broadcasting in post-Soviet Russia]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2008. No. 51. Pp. 74—77.
10. Pogodin A.V. *Problemy poznaniya obektivnogo prava* [Problems of knowledge of objective law]. *Problemy teorii prava i pravorealizatsii: uchebnik* [Problems of theory of law and legal realization: A Textbook]. Edited by L.T. Bakulina. Moscow: Statut Publ., 2017. 384 p.
11. Pogodin A.V. *Problemy teorii i praktiki pravovogo nihilizma v sovremennoy Rossii* [Problems of theory and practice of legal nihilism in modern Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the state: theory and practice]. 2016. No. 5. Pp. 6—11.
12. Pyanov N.A. *Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie* [Current problems of theory of the state and law: A Study Guide]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta [Irkutsk University Publishing House], 2007. 253 p.
13. Romashov R.A. *Internet kak bazisnoe osnovanie tsifrovogo gosudarstva (digital state)* [Internet as the basis of digital state (digital state)]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian legal journal]. 2016. No. 12. Pp. 174—178.
14. Romashov R.A. *Tsifrovoe gosudarstvo (digital state) — novyy tip gosudarstva ili forma globalnogo mirovogo poryadka?* [Digital state — a new type of state or a form of global world order?] *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law]. 2017. No. 4. Pp. 3—11.
15. Savintseva M.I. *SMI epokhi glasnosti i perestroiki* [Media in the era of publicity and perestroika]. *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti* [Proc. on intellectual property]. 2009. Vol. 9. No. 1. Pp. 267—276.
16. Semenova E.Yu. *Periodicheskaya pechat i tsenzura v gody pervoy mirovoy voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiyskogo obshchestva (po materialam povolzhskikh guberniy)* [Periodicals and censorship during the First world war as a factor in the formation of the mentality of the Russian society (based on the materials of the Volga provinces)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 71—85.
17. Struykovatyy V.V. *Fiktivnyy brak kak ugroza natsionalnoy bezopasnosti Rossii* [Fictitious marriage as a threat to national security of Russia]. *Globalizatsiya nauki: problemy i perspektivy. Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Irkutsk, 13 maya, 2017)* [Globalization of science: challenges and prospects: Proc. Int. Sci. Pract. Conf. (Irkutsk, May 13, 2017)]. In 2 parts. Irkutsk, 2017. Part 1. Pp. 80—85.
18. Sulygova L.Z. *Samoderzhavie, pravoslavie i narodnost v rossiyskoy gosudarstvenno-pravovoy doktrine* [Autocracy, Orthodoxy and nationality in the Russian state-legal doctrine]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Humanities and Social Studies]. 2012. No. 1. Pp. 184—204.
19. Tonkonogov A.V. *Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost v sisteme dukhovnoy bezopasnosti sovremennoy Rossii* [Information and psychological security in the system of spiritual security of modern Russia]. *Vlast* [Power]. 2010. No. 6. Pp. 53—56.
20. Shaypak L.A. *Pechatnaya propaganda i agitatsiya kadetov, eserov, menshevikov i bolshevikov v armeyskikh strukturakh v gody pervoy mirovoy voyny (na materialakh srednego Povolzhya)* [Printed propaganda and agitation of cadets, esers, Mensheviks and Bolsheviks in the army structures during the First world war (on the materials of the Middle Volga region)]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk* [Volga pedagogical search]. 2012. No. 2. Pp. 64—72.
21. Shpakovskaya S.V. *Istoricheskiy opyt informatsionnogo obespecheniya reform v Rossii* [Historical experience of information support of reforms in Russia]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Nauka. Society. State]. 2014. No. 2. Pp. 170—176.